

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС
В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ(в порядке дискуссии)¹

История ранней Византии характеризуется кризисами и общественными переменами. Этот период отмечен перемещением экономического, политического, идеологического и культурального центра Римской империи на Восток в IV в., великим переселением народов в V в., христологическими спорами IV—VII вв., реставраторскими мероприятиями Юстиниана в VI в., кризисом и перерывом в развитии в конце VI—начале VIII в., так называемыми спорами об иконах и развитием в VIII—IX вв. новых, появившихся в VII в. тенденций. Итак, это эпоха, изучение которой дает возможность осмыслить особенности византийской истории в их возникновении и развитии. В ходе такого изучения обнаруживается возможность исследовать вопрос о роли народных масс в общественном развитии Византии, ибо, хотя византийские авторы не проявляли к ней особого интереса, источники содержат немало соответствующего материала. В данной работе мы не ставим цель полностью раскрыть тему, а лишь пытаемся привлечь внимание к наиболее важным проблемам.

1

Для генезиса феодализма в Византии характерна значительная экономическая и политическая роль города. Это относится и к VII в., хотя в результате экономического и социального кризиса, а также сужения территории Византийской империи в тот период сокращается число городов и падает их экономическая и политическая значимость. Тем не менее перерыва в развитии городов не происходит.

Особое место среди городов как экономический и административный центр принадлежало столице империи — Константинополю. Город, основанный на месте древнего Византия Константином I как новая столица и освященный 11 мая 330 г., смог начиная с V в. вступить в длительное состязание со своими соперниками: Римом, Александрией, Антиохией, Иерусалимом (как духовным центром) и другими крупными городами и добиться удовлетворения своих притязаний. VII столетие явилось важным этапом, так как именно в это время империя потеряла некоторые важные митрополии, которые конкурировали с Константинополем.

Константинополь представляет особый интерес для изучения роли народных масс, поскольку в этом городе, как нигде, концентрировались политические и социальные проблемы византийского общества. Григорий Назианзин называет Константинополь «глазами мира, городом могущественным на суше и на море, центром западного и восточного побережья, куда стекаются люди и откуда они рассеиваются как от места, где резко

¹ Основу этой статьи составляет доклад, прочитанный в мае 1977 г. в Центральном институте древней истории и археологии АН ГДР.

меняется вера»². Следствием всего этого была необычайная политическая активность населения, которое своей взрывной силой было обязано непосредственной близости к главным политическим силам государства. Поэтому в Константинополе действия правящих сил вызывали моментальную реакцию низших слоев населения.

В последнее время появилось несколько фундаментальных исследований, посвященных развитию Константинополя, его социальным и религиозным проблемам³.

2

Среди различных сил, сконцентрированных в столице, «народ» играл настолько важную политическую роль, что наряду с сенатом и войском он являлся конституционным фактором, проявлявшим себя при выборах императора, аккламациях в честь императора и августы и других политических акциях, имевших место главным образом на ипподроме⁴. В зависимости от соотношения сил в государстве эта роль менялась от политической фикции, факта символического характера, до реальной политической активности. Остановимся лишь на двух следующих случаях: при возведении на престол Тиверием II Константином Маврикия в 582 г. названы только «виднейшие из народа люди»⁵; узурпатор Фока (602 г.) придавал огромное значение тому, чтобы при провозглашении его императором присутствовало как можно больше представителей народа. Правящие силы всегда стремились, когда их принуждало к этому соотношение сил, привлекать представителей населения или народные массы в целом, причем отнюдь не только в случаях возведения императора на трон.⁶

Учитывая, однако, что речь идет об актах конституционного характера, считать такие действия средством классовой борьбы можно лишь предположительно в исключительных случаях.

Михаил Пселл, один из влиятельнейших людей при императорском дворе и представитель духовной элиты своего времени, пишет в своей Хронографии во введении к рассказу о правлении Михаила VI (1053—

² PG, 36, col. 469.

³ См. прежде всего: Beck H.-G. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — BZ, 58, 1965, p. 11—45; Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels, hrsg. v. H.-G. Beck. München, 1973; Dagron G. Naissance d'une capitale. Paris, 1974. Об идеологии города см.: Fenster E. Laudes Constantinopolitanae. Phil. Diss. München, 1968; Salamon M. Rozwój idei Rzymu—Konstantynopola od IV do pierwszej połowy VI wieku. Katowice, 1975. К проблеме народных движений в Константинополе неоднократно обращалась А. А. Чекалова; см. ее работы: Социально-политическая борьба в Константинополе во второй четверти VI в. (Восстание Ника). Автореферат канд. дисс. М., 1972; Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника. — ВВ, 32, 1972, с. 24—39; Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ, 33, 1972, с. 12—32; Константинопольские аргиропраты в эпоху Юстиниана. — ВВ, 34, 1973, с. 15—21; О датировке актов Калоподия. — АДСВ, 10, с. 263—266.

⁴ См.: Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966 (=Beck H.-G. Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972, N XII); Manojlovič G. — In: Byz., XI, 1936, p. 617—716 (=Nastavni Vjesnik, 12, 1904, p. 1—91). Ср. также обсуждение примеров из эпохи после Юстиниана: Studien zum 7. Jh. in Byzanz. Berlin, 1976, S. 109 ff.

⁵ Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor-P. Wirth. Lipsiae, 1972, p. 39.

⁶ Согласно Феофану (Theophanis Chronographia, rec. C. de Boor., I, Lipsiae, 1883, p. 249.24—29), в 578 г. на ипподроме жена Тиверия II была провозглашена августой, тогда как и в этом было отказано вдове Юстина II Софии. См.: Cameron A. — In: Byz., 45, 1975, p. 5—21. Согласно Никифору [Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor Lipsiae, 1880 (далее — Nic.), p. 12. 3—12], «граждане» принудили Ираклия I отказаться от намерения перенести столицу в Карфаген. От Никифора (ibid., p. 25. 11 sq.) исходит известие о том, что архонты и «жители города» убедили Ираклия, вернувшегося из похода против персов, пересечь море. Хотя Константин I перенес свою резиденцию в Сидлику, «византийцы», по Феофану (Theophanis Chronographia, p. 348.6—8), воспрепятствовали императрице и двору отправиться туда.

1057): «На следующих трех основах покоится безопасность императора: народе, сенате и войске»⁷. Эта цитата проливает свет на особенности роли народных масс в истории Византии.

1. В Византии не было определенного термина для обозначения народных масс. Каждый исследователь пользуется собственным понятием и шкалой ценностей в зависимости от отношения к народным движениям и их оценки⁸. Существенной причиной подобной нечеткости является отсутствие в Византии конституционно-правовой ясности и какого бы то ни было стремления аристократии к точной классификации низших слоев населения. Поэтому провести необходимую для исторического исследования дифференциацию очень сложно.

2. В цитированном отрывке Пселла видна попытка придать характер института народу, сенату и войску и тем самым не видеть в народных массах источника смутной угрозы, неопределенного и в глазах византийца трудно поддающегося определению элемента, взрывной силы, фактора протеста. Народные массы как бы включаются в систему господствующего порядка и, более того, они рассматриваются как защита этого порядка. В данном случае, однако, имелись в виду только народные массы столицы, и то лишь в период избрания императора. Другая причина состояла в том, что сами народные массы, которые с трудом поддавались контролю и из-за своей конституционной роли считали себя вправе добиваться или, напротив, противиться различным изменениям и, таким образом, подвергать существенным колебаниям устанавливаемый государством порядок.

3. Самая возможность действий народных масс в ранней Византии и возможность их ограничения вытекают из следующих обстоятельств. Административный аппарат в Византии был всегда сильным, хотя и он, естественно, подвергался кризисам и изменениям. Названные Пселлом три элемента далеко не исчерпывают все возможности. Он не уделил достаточного внимания артистократии, в среднем которой необходимо различать группировки и слои, выражавшие самые разные интересы. В данный момент для нас важно отметить, что в ранневизантийскую эпоху не было случая, чтобы неоспоримо обладал властью лишь один какой-то слой аристократии. Император, казалось, имел неограниченную власть. Но, как отмечено в современных исследованиях, не следует недооценивать ограничивающие эту власть моменты. Император был одним, хотя и очень существенным, фактором наряду с другими влиятельными группами аристократии. Не однажды он был вынужден утверждать свою позицию, балансируя между различными группами знати. В политической борьбе необходимо учитывать все реальные силы, а следовательно, когда в этом была нужда, то и народные массы.

4. Когда Пселл традиционно называет три фактора (народ, сенат и войско), создается видимость неизменности и прочности. Однако, наблюдая за эволюцией ранней Византии, мы постоянно констатируем неустойчивость отдельных факторов и переоценку ценностей⁹. Если охарактеризовать это развитие в общих чертах, то оказывается, что начиная с V в. войско в значительной степени теряет свое конституционное значение, зато растет влияние сената и столичного населения. В VII в., когда произошла окончательная переоценка ценностей, обе эти силы являлись зачастую решающими, в то время как войско тщетно старалось вернуть

⁷ Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par É. Renauld, II. Paris, 1928, p. 83.

⁸ См.: Cameron A. — In: BZ, 67, 1974, S. 74—91; Winkelmann F. — In: Studien zum 7. Jh. in Byzanz. Berlin, 1976, S. 110 ff; Купцов Г. Л. — In: XXV° Congrès international des orientalistes. Moscou, 1962, p. 504—510; Gregory T. E. — In: Byz., 43, 1973, p. 72—77.

⁹ Cp. Beck H.-G. Senat und Volk.

себе прежнее влияние на порядок избрания императора. С VIII в. на передний план все больше выдвигаются сенат как представитель столичной сановной аристократии, военные единицы отдельных фем, а также образующая на этой основе новая военная аристократия. Поэтому Михаил Пселл, хотя и говорит о трех факторах, к войску относится с явным пренебрежением. Он высказывается в духе Михаила VI, отдавшего предпочтение гражданам (τὸ πολιτικόν γένος). В данном случае, однако, не следует, что речь идет о широких народных массах. По справедливому замечанию Рено, «это двор, сенат и гражданские сановники в противоположность военным кругам»¹⁰. Следовательно, когда Пселл говорит о народе, сенате и войске, он вовсе не старается подчеркнуть роль народных масс. Для него в конце концов представляют интерес лишь группировки аристократии.

3

Для деятельности населения Константинополя, как и других городов империи, большое значение имели цирковые партии, которые являлись организующим ядром населения, оказывали влияние на действия народа и руководили ими, по временам облегчая, а нередко и осложняя их вследствие своей зависимости от интересов высших слоев господствующего класса, а также из-за борьбы между собой.

В последние годы казалось, что в изучении структуры и деятельности цирковых партий было достигнуто известное согласие¹¹. А. Камерон в своих работах вновь поднял многие вопросы¹². Можно согласиться с ним в том, что точка зрения А. П. Дьяконова относительно структуры димов ранневизантийских городов, якобы восходивших к античным демам, не находит подтверждения в источниках¹³. Можно также принять теорию А. Камерона, согласно которой венеты являлись ортодоксами, а прасины монофиситами. В этом отношении особенно много сделано Ж. Жарри¹⁴. Вместе с тем точка зрения А. П. Дьяконова относительно социального разграничения верхушек партий остается до сих пор наиболее вероятной¹⁵. В изучении вопроса о расположении жилых кварталов венетов и прасинов ценные коррективы к исследованию А. П. Дьяконова сделаны в последнее время Принцингом¹⁶. Наконец, положение А. Камерона, что цирковые партии не имели никаких политических устремлений, представляется нам слабо обоснованным. Его утверждение, что «все цирковые беспорядки, о которых мы имеем какие-либо сведения, являлись безответственными бунтами»¹⁷, на наш взгляд, совершенно противоречит источникам.

С вопросом о цирковых партиях и народных массах Константинополя тесно связана проблема городской милиции, проявлявшейся лишь в особо

¹⁰ Michel Psellos. Chronographie, II, p. 83, n. 2.

¹¹ Оно базировалось прежде всего на работах Манойловича (см. выше, прим. 4), А. П. Дьяконова [Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. — ВС. М. — Л., 1945; в обеих работах восприняты взгляды Ф. И. Успенского], А. Марика (Bulletin de l'Académie Royale de Belgique, Classe des Lettres, V, 36, 1950, p. 396—421), Р. Гийана (BS, 27, 1966, p. 289 sq.; 28, 1967, 269 sq.).

¹² Cameron A. Demes and Factions. — BZ, 67, 1974, p. 74—91; *idem*. Heresies and Factions. — Byz., 44, 1974, p. 92—120; *idem*. Porphyrius the Charioteer. Oxford, 1974; *idem*. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.

¹³ См. литературу, указанную в прим. 8.

¹⁴ Jarry J. Hérésies et factions dans l'Empire byzantine du IVe au VIe siècle. Le Caire, 1968, p. 11; —187, 383 sq.; Cameron A. — In: Byz., 44, 1974, p. 92—120; Grillmeyer H. — Bacht H. Das Konzil von Chalkedon, I. Würzburg, 1951, S. 151 f.

¹⁵ Ср. замечания в кн.: Studien zum 7. Jh. in Byzanz. Berlin, 1976, S. 115 f.

¹⁶ Prinzing G. Zu den Wohnvierteln der Grünen und Blauen in Konstantinopel. — In: Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels, hrsg. v. H.-G. Beck. München, 1973, S. 27—48.

¹⁷ Cameron A. Porphyrius the Charioteer, p. 239.

грозных для города ситуациях. На наш взгляд, прав Г.-Г. Бек, считающий городскую милицию постоянным учреждением. По его мнению, она создавалась императором в исключительных случаях¹⁸.

4

Интересы и действия цирковых партий нельзя отождествлять с интересами и действиями городских масс. Но поскольку интересы тех и других отчасти переплетались, отчасти соприкасались друг с другом, а данные источников о действиях народных масс недостаточно конкретны и точны, изучение характера и тенденций активности широких народных масс города представляет известные сложности. Народные волнения, насколько известно, возникали по причинам экономического и церковно-политического характера или из-за стихийных бедствий¹⁹. Что касается политической роли населения Константинополя, то с консолидацией Византийской империи в X в. эта роль падает. В рамках периода IV—IX вв. наивысшая активность населения приходится на конец VI—начало VIII в. Народные массы в союзе с другими силами достигли тогда определенных политических успехов, способствовавших изменениям в ходе общественного развития. Это были ограниченные успехи, которые не влияли на сущность власти и не вызывали никаких структурных изменений.

1. С середины IV до середины V в. стекавшиеся в Константинополь аскеты и монахи являлись нередко главным источником беспорядков. Но поскольку монахи искали в столице «второй Иерусалим», их деятельность диктовалась прежде всего религиозными причинами и носила церковно-политический характер. Несколько лет назад Дагрон высказал предположение, что монахи могли мобилизовать «самые широкие слои населения»²⁰. Причина, по его мнению, заключается в следующем: «В социальном плане мы можем констатировать, что по своему образу жизни и в значительной степени по своему происхождению монахи были близки к народным массам столицы». Дагрон удалось показать, что низшие слои населения поддерживали монашество при низложении патриархов Григория Назианзина (379—381), Иоанна Златоуста (398—404) и Нестория (428—431). Тем не менее мотивы деятельности монахов, вытекающие из социальной структуры общества, были полностью подчинены церковно-политическим целям. Поэтому нельзя отождествлять действия монахов с действиями широких народных масс. Врагами Иоанна Златоуста являлись в первую очередь столичная аристократия и монахи, широкие народные массы всегда стояли на его стороне, что подтверждают Сократ, Созомен, Палладий и Зосим²¹.

Таким образом, к проблеме взаимоотношений между монашеством и народными массами следует подходить дифференцированно. Монашество, конечно, имело влияние среди населения. Не случайно папа Лев I в 449 г. обратился к некоторым вождям монашества с просьбой сделать доступными «всем рабам божьим» его письма, показывающие неправильную церковную политику императора и епископа Александрии²². Папа созна-

¹⁸ Studien zur Frögeschichte Konstantinopels, S. 17. Ср. интерпретацию конкретных случаев у Манойловича (op. cit. p. 628 sq) Дьяконова (указ. соч., с. 168 и сл.) и Винкельмана (op. cit., S. 105, Ann. 35, S. 111 ff.).

¹⁹ См.: Martindale J. R. Public Disorders in the Late Roman Empire. Phil. Diss. Oxford, 1960.

²⁰ Dagron G. Les moines et la ville. Le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcedoine (451). — TM, 4, 1970, p. 269, 275. Важный материал для последующего времени содержится в работе: Grillmeyer H. — Bacht H. Op. cit., II. Würzburg, 1953, S. 193—314.

²¹ Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887, p. 244 sq.

²² Leo, ep. 51, ed. Schwartz. — ACO, II, 4, p. 25.

вал как влияние монашества, так и силу народных масс. Дагрон, безусловно, прав, когда говорит о популярности монашества. Но монахи имели сторонников и среди низших слоев населения, и среди аристократии.

2. Усиление народной активности при Анастасии I (491—518)²³ было вызвано экономической и монофиситской политикой императора, а также стихийными бедствиями. Не однажды трон и сама жизнь императора были поставлены на карту. Своего апогея активность народа достигла в 512 г., когда в ответ на принятие монофиситского трисвятого обе цирковые факции и широкие народные массы выдвинули требование: «Другого императора ромеям!»²⁴. В этом факте впервые проявила себя возрастающая конституционная роль столичного населения, выражавшаяся в самосознании народа, в частности, в осуществлении его права смещать императора. Подобные притязания отнюдь не отвечали интересам господствующего класса. Показательно в этом отношении поведение императора. Он делал вид, что соглашается с требованиями народных масс, благодаря чему он смог расколоть их единство и подавить с помощью находившегося в его распоряжении аппарата власти опасное народное движение²⁵. Так же действовал Юстиниан I во время восстания Ника²⁶.

3. Наибольшего влияния цирковые партии и народные массы достигли в послеюстиниановскую эпоху, начиная с правления Маврикия. Фактическая сторона дела хорошо изучена и не нуждается в новом освещении²⁷. Хотелось бы обратить внимание лишь на два аспекта. На наш взгляд, из источников следует, что и Маврикий, и Фока были свергнуты в значительной степени с помощью прасинов и связанных с ними народных масс. На вопрос, какая из двух партий принимала участие в низвержении Фоки, совершенно определенный ответ получаем из Пасхальной хроники, где говорится, что после низвержения императора знамя венетов было сожжено вместе с изображением императора. Все же, несмотря на то, что факция прасинов, связанная с широкими народными массами города, играла важную роль в событиях 602 и 610 гг., успех был достигнут отнюдь не благодаря ей одной. Если при низложении Маврикия она действовала в союзе с бунтующей армией под предводительством Фоки и с некоторыми представителями аристократии, то при низложении Фоки она действовала совместно с сенатом и войском Карфагенского экзархата, предводительствуемым Ираклием. При удалении Мартины и возмущении против Ираклеона в пользу сына Ираклия от первого брака, Константина III, прасины находились в союзе с сенатом и частью войска²⁸.

Значительно меньшим, насколько можно судить по отдельным высказываниям источников, было влияние народных масс во второй половине VII в. Низложение Юстиниана II исходило, по-видимому, из аристокра-

²³ Ср. также материал о восстаниях фракций, приведенный Манойловичем (Byz., XI, 1936, p. 642, 644, 658—660).

²⁴ См. указания на источники в кн.: Stein E. Histoire du Bas-Empire, II. Paris — Brussels — Amsterdam, 1949, p. 178.

²⁵ Ioannis Malalae Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnæ, 1834, p. 407 sq.

²⁶ Ср.: Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника, с. 24—39; Herrmann J. — Sellnow I. Die Rolle der Volksmassen. Berlin, 1975, S. 301 ff.

²⁷ См. Manojlovič G. Op. cit.; Дьяконов А. II. Указ. соч., с. 220—227; Янсенс (Byz., XI, 1936, p. 499—536) в интересах своей гипотезы допустила ошибочное толкование источников. Различную оценку ее положений см.: Dölger F. — In: BZ, 37, 1937, p. 542 f.; 38, 1938, S. 525—528; Grégoire H. — In: Annales de l'Institut Kondakov, 10, 1938, p. 107—111; Byz., XIII, 1938, p. 395; Armen. Quarterly, 1, 1946, p. 4—21; Le Muséon, 59, 1946, p. 295—302; Acad. Inscr. et Belles-Lettres, 1946, 568; Vasilev A. A. — In: Byz., 16, 1944, p. 184—188; Fine J. V. A. — In: ЗРВИ, 10, 1967, p. 34 f.

²⁸ При отстранении Мартины, по-видимому, большую роль сыграло недовольство широких слоев населения ее браком с Ираклием; см.: Nic., p. 14 и лучший текст: Orosz L. The London Manuscript of Nikephoros «Breviarium». Budapest, 1949, p. 21, где под 613 г. сказано, что зеленые выступали против этого брака, голубые, напротив, поддерживали императора.

тических кругов и партии венетов²⁹, свержение Леонтия (698 г.) — от флота и партии прасинов. О народных массах в данном случае в источниках нет ни слова³⁰. При повторном изложении Юстиниана II столица без сопротивления сдалась восставшему флоту, что свидетельствовало о недовольстве аристократии и народных масс императором. Филиппик был свергнут в 713 г. опсиканами. Согласно Никифору, народ сделал императором чиновника Артемия³¹. Мы не знаем, кого в данном случае следует понимать под словом «народ» и насколько серьезным было участие низших слоев населения в этом акте.

Итак, даже если роль населения при переворотах конца VI—конца VII в. очевидна, даже если народ мог навязывать императору свою волю, речь может идти лишь об исключительных победах, достигнутых с большим трудом и возможных лишь при участии других сил и при определенной ситуации. Перевороты не приносили серьезных успехов низшим слоям населения, но с точки зрения общественного развития Византии благодаря этим событиям и кризисам новые победы прокладывали себе путь.

4. Для изучения действий народных масс в VIII—IX вв. важный материал содержится в агиографической литературе³². Во избежание неточных общих оценок здесь следует использовать дифференцированные методы исследования, которые позволяют изучить действия населения Константинополя и других городов империи, сельского населения провинций, внутривосточную ситуацию в годы правления отдельных императоров и, наконец, различные группировки среди населения. Здесь поле исследований еще открыто. Что касается населения Константинополя IV—IX вв., то его отличает быстрая реакция, сознание собственного политического веса и своих возможностей. Но ему свойственны также стихийность действий, слабость импровизации и отсутствие устойчивой программы и организации. Сходная картина вырисовывается и из 80-й новеллы Юстиниана.

5

Действия сельского населения Византийской империи отнюдь не были незначительны, но в смысле политической эффективности они уступали действиям городского населения³³. Активность сельского населения также сказывалась на состоянии государства, но этот процесс едва ли можно проследить. После VII в., когда в результате славянского влияния и создания фемного строя возросло значение земли, сельское население стало играть в империи значительную роль. Но даже и в этот период активность сельского населения не достигла уровня активности городского населения. Движение павликиан страдало от того, что они действовали в пограничных районах Малой Азии, выражали интересы пограничных гарнизонов и не смогли привлечь на свою сторону население столицы. Фома Славянин со своим войском потерпел неудачу под стенами Константинополя, так как жители города, очевидно, считали его выразителем их интересов.

²⁹ Ср.: *Theophanis Chronographia*, p. 369; *Nic.*, p. 38 sq.; *Georgii monachi chronicon*, ed. C. de Boor, II. Lipsiae, 1904, p. 731, 17 sq.

³⁰ *Cumont F. Chroniques byzantines du manuscrit 11376.* — In: *Anecdota Bruxellensia*, I, 1894, 30.

³¹ *Nic.*, p. 49.16—21; лучший текст: *Orosz L. Op. cit.*, p. 21; *Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII—XVIII*, ed. Th. Büttner-Wobst. Bonn, 1897, XIV, 26; *Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio*, XII, p. 192.

³² Ср. некоторые указания у П. Шрайнера (*Saeculum*, 27, 1976, p. 173, 175).

³³ Ср., например, движение отшельников в Северной Африке (*Aus der byzantinischen Arbeiten der DDR*, I. Berlin, 1957, S. 106—112), движение скамаров на Балканах (*Джумпиев А. Д. Движение скамаров.* — ВВ, V, 1952, с. 3—14), восстания самаритян (*Winkler S. Die Samaritaner unter Justinian.* Diss. phil. Berlin, 1973).

1. Здесь необходимы некоторые замечания. Наибольшей активностью отличались народные массы Египта. Проявление этой активности падает на период, следующий за правлением Юстиниана³⁴. По сообщению Иоанна Никиуского, опасное волнение в Нижнем Египте произошло при Маврикии. Мотивы и начальная фаза его недостаточно ясны, поскольку рассказ Иоанна Никиуского написан, по всей вероятности, на основании нескольких источников³⁵. Зачинщиками волнения названы четыре византийских чиновника из Айкелаха (города близ Александрии), которые, если судить по их именам, были коптами. Их город по не ясным для нас причинам пребывал в споре с цирковой партией венетов городов Бана и Бузир. Цирковые партии играли в этом движении не вполне понятную роль. По приказу императора Маврикия префект Александрии Иоанн захотел наказать людей из Айкелаха за их насильственные действия по отношению к двум названным городам. Это послужило поводом для выступления людей из Айкелаха, направленного против снабжения крупного центра — Александрии. В результате в Александрии возник голод, породивший ненависть населения к префекту. На стороне префекта остались лишь «верные, которые любили Христа». В той незначительной степени, в какой можно понять этот отрывок, возможно судить о том, кто боролся на стороне людей из Айкелаха³⁶. Так как со стороны правительства последовали еще более суровые меры против Айкелаха, движение охватило весь Нижний Египет и перекинулось на Кипр³⁷. Восстание обнаружило слабые элементы в жизни византийского государства, в частности морское сообщение, а следовательно, снабжение Константинополя, и экономическую эксплуатацию Египта. Не следует пренебрегать следующим значением: «Они . . . овладели государственной податью и требовали от префекта области отдать им собранную подать»³⁸. Здесь, по-видимому, и проясняются подлинные причины восстания. В конце концов движение было подавлено, поскольку византийское государство обладало еще достаточной силой.

Иной стала ситуация в VII в. В этот период активность населения, проявившись в момент борьбы между военачальниками Никитой и Боносом, т.е. в условиях внутривизантийского кризиса, привела к политическому успеху. Основным источником и здесь является пространное изложение Иоанна Никиуского³⁹. Вновь высокой активностью отличается население городов, особенно цирковые партии⁴⁰. Последние, впрочем, используют сложную ситуацию для борьбы между собой, мотивы которой трудно уяснить⁴¹. Почему народные массы поддерживали Никиту в его борьбе против Боноса, военачальника Фоки? Иоанн Никиуский говорит о жестокости Боноса⁴². Дальнейшие события привели к тому, что мельхитский патриарх Александрии Феодор Скрибон был убит народом из-за своих связей с Фокой. Масперо видит в этом антихалкедонитский акт коптов⁴³. Однако из источников неясно, кто поддерживал Никиту — копты или монофиситы. Восстание в Александрии, по всей вероятности, было направлено против представителей высшей византийской администрации и, скорее всего, являлось социальным протестом против жестокого

³⁴ Что касается Сирии, здесь лучше всего изучена Антиохия. Ср.: *Festugière A. J. Antioch païenne et chrétienne*. Paris, 1959; *Downey G. A History of Antioch in Syria*. Princeton, 1961; *Liebeschuetz J. H. W. G. Antioch*. Oxford — New York, 1972. Павенский экархат прекрасно изучен А. Гийу: *Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin au VIIe siècle*. Roma, 1969.

³⁵ *Ioh. Nik.*, ed. Zotenberg, p. 409 sq.

³⁶ *Ibid.*, p. 410.

³⁷ *Ibidem*.

³⁸ *Ibid.*, p. 411.

³⁹ *Ibid.*, p. 421—427.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 426, 428.

⁴¹ *Ibid.*, p. 430.

⁴² *Ibid.*, p. 420, 426.

⁴³ *Maspero J. Histoire des patriarches d'Alexandrie*. Paris, 1923, p. 326.

экономического притеснения Египта со стороны Фоки. Патриарх, фаворит Фоки⁴⁴, очевидно, занимал особое положение. Разгоревшаяся с новой силой и после победы Никиты борьба факций между собой не может найти лучшего объяснения, чем причины экономического характера. Известно, что Никита «облегчил подать на три года. Египтяне были ему очень признательны»⁴⁵.

Как при завоевании Египта персами, так и при возвращении его Византии народные массы, насколько это явствует из источников, не играли никакой роли. Сложной проблемой является вопрос об отношении народных масс к завоеванию арабов. Широко распространена точка зрения, согласно которой, в формулировке Стратоса, «ненависть и сильная антипатия местного населения ко всему римскому или греческому» сыграли решающую роль в победе арабов⁴⁶. Основным источником для изучения этого события является все тот же Иоанн Никиуский, которому значительно уступают относящиеся к более позднему времени арабские источники. На основании его хроники вырисовывается весьма сложная картина, особенно если принять во внимание своеобразную этническую, социальную, культурную и идеологическую ситуацию в Египте того времени. Основные причины потери Египта, не говоря уже о новых военных методах арабов, кроются во внутреннем развитии византийского общества и государства⁴⁷.

Во всех указанных примерах бросается в глаза преобладание городских движений и активность цирковых партий. Правда, Иоанн Никиуский сообщает об одном восстании в Верхнем Египте, возглавляемом неким Азарием, «который, объединив вокруг себя множество рабов-эфиопов и разбойников, собрал без ведома властей общественную подать. Жители, напуганные жестокостью этих рабов и варваров, отправили императору послание»⁴⁸. Характеристика, данная участникам этого движения, и факт взимания подати явно не свидетельствуют о поддержке восставших со стороны широких народных масс. Азария вместе со своими людьми был осажден в труднодоступной гористой местности и погиб от голода. Таким образом, изолированные действия, к тому же не связанные с городами, не имели шансов на успех. У Иоанна Никиуского сохранились сведения о выступлениях против коменданта Феофила. Однако неясно, принимало ли в них участие сельское население. «Чиновники провинции поднялись против него и с большим числом сторонников напали на него и убили, так же как и его людей, и захватили пять городов»⁴⁹.

Таким образом, оба текста сходны в основных моментах.

Однако не только из источников вытекает, что сельское население было менее активным и что хорошо организованные и успешные восстания происходили в городах. Это становится еще более ясным, если принять во внимание, с одной стороны, угнетенное положение сельского населения, которое эксплуатировали должностные лица и аристократия и которое страдало от набегов кочевников, а с другой — экономическую и общественную силу городов⁵⁰.

2. Египет был избран нами как иллюстрация к периоду, предшествующему «темным векам», потому что на его примере можно познакомиться с действиями народных масс в провинции. Остановимся теперь на одном из народных движений, сыгравших большую роль после VII в. С давних

⁴⁴ Maspero J. Op. cit., p. 276.

⁴⁵ Ioh. Nik., p. 430.

⁴⁶ Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century, II. Amsterdam, 1972, p. 118, 133.

⁴⁷ Об этом комплексе проблем см. мою статью в BS: Agypten und Byzanz vor der arabischen Eroberung (в печати).

⁴⁸ Ioh. Nik., p. 412 sq.

⁴⁹ Ibid., p. 420.

⁵⁰ Прекрасную картину внутренних отношений в египетском городе дают оксиринхские папирусы. Хотелось бы особо отметить здесь работу: Филман И. Ф. Оксиринх — город папирусов. М., 1976.

пор центральное место здесь отводится павликианству⁵¹, малоазийской ереси⁵², возникшей в конце VII в. К. Колпе, подошедший к проблеме узко и осторожно, отметил: «У павликиан проявилось наследие маркионитов и монофиситов. . . в строгой, но не аскетической духовной религиозности со всеми антиклерикальными революционными признаками, типичными вплоть до боснийско-североитальянско-южнофранцузской ереси»⁵³. В результате тщательного исследования П. Лемерль пришел к следующим двум выводам: «Это религиозный феномен, не имеющий явной связи с особыми социальными или экономическими условиями. . . Павликианство — это возврат к истокам раннего христианства, основанный на спиритуалистическом толковании учения Христа». Далее он отмечает: «Это феномен, характерный для пограничной области, а именно — для сирийско-армянских пределов»⁵⁴. В его филологическом, ориентированном на духовную историю исследовании второй пункт выглядит неуместным. М. Лоос и Э. Вернер идут дальше. Вернер указал на связь павликианства с гностицизмом. Но гностицизм был распространен в городах⁵⁵, тогда как павликианство связано с сельскими районами Малой Азии. Этот факт не нашел достаточного объяснения. Впрочем, и крестьянский характер павликианства не доказан окончательно⁵⁶. Важным является и вопрос о солдатах в рядах павликиан⁵⁷. Э. Вернер пытается объяснить эту особенность, а также отсутствие у павликиан аскезы и критики общества их пограничным положением между Византией и арабами. Так же объясняет он и их идеологию. «Как исламские гази, павликиане приспособили иную

⁵¹ Издание текстов: *Astruc Ch., Conus-Wolska W., Guillard J., Lemerle P., Papachrysanthou D., Paramelle J.* Les sources grecques pour l'histoire des pauliciens d'Asie Mineure. — TM, 4, 1970, p. 1—227. Оценка источников дана П. Лемерлем: TM, 5, 1973, p. 1—114. М. Лоос (*Loos M.* Dualist Heresy in the Middle Ages. Prag, 1974) не ограничился только византийским материалом. Ср. *Werner E.* — In: *Zeitschrift für Geschichte*, 23, 1975, S. 538—551; *Ангелов Д.* Богомилството в България. София, 1969.

⁵² Существенное воздействие на выступление народных масс в ранней Византии оказывали теологические или церковно-политические и в широком смысле идеологические и религиозные моменты. Речь в данном случае идет не только о христологических спорах. Им уже отведено большое место в церковно-исторических исследованиях. Значительно меньше изучены секты и группы, отделившиеся от основных направлений. Здесь прежде всего не решены социологические проблемы. Еще в большей степени это касается ересей в полном смысле слова. Показательна работа Гуйяра, рассматривавшего эпоху до XII в. (TM, 1, 1965, p. 299—324; 2, 1967, p. 1—316; ср.: *Vryonis. Sp.* In: *Byzantina*, 1, 1969 p. 210—229). Такие важные вопросы, как социальные связи, отношение к низшим слоям населения, географические данные, оставлены без внимания. Вывод исследователя достаточно основателен, но слишком пессимистичен: «К сожалению, источники скорее обрекают нас на общие суждения в этой сфере, чем предлагают точные данные» (TM, 1, p. 323). В то время как западным средневековым ересям посвящено несколько фундаментальных исследований, из которых в методическом плане наиболее интересна работа Э. Вернера (*Werner E.* Häresie und Gesellschaft im XI. Jh. Berlin, 1975; о состоянии исследований на 1963 г. см.: *Grundmann H.* Ketzergeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1963; из более поздних исследований нужно выделить прежде всего: *Manselli R.* L'eresia del male. Napoli, 1963; *Thouzelier Ch.* Catharisme et Valdisme en Languedoc à la fin du XIIe et au début du XIIIe siècles. Paris, 1966), изучение позднеантичных и византийских ересей только начинается. Еще не нашел достаточных объяснений тот факт, что прежние ереси в VII в. теряют свое значение и в период иконоборчества появляются новые, которые отчасти вбирают элементы старых. Гуйяр справедливо указал, что «изменение влияния между этими двумя феноменами по праву представляет одну из интересных проблем иконоборчества» (TM, 1, p. 307).

⁵³ *Colpe C.* Die Religion in Geschichte und Gegenwart, V, 3. Aufl. Berlin, 1961, S. 166.

⁵⁴ TM, 5, 1973, 134 sq.

⁵⁵ Ср.: *Träger K. W.* Gnosis und Neues Testament. Berlin, 1973, S. 86. *Rudolph K.* — In: *Theologische Rundschau*, 34, 1969, S. 121. Еще более детально Рудольф рассмотрел эту проблему на IV коптологической конференции, состоявшейся в Галле 25—27 ноября 1976 г. Доклад будет напечатан в актах конференции.

⁵⁶ Ср. с выводами Липшиц Е. Э. (BB, V, 1952, с. 49—72; 235—243) прежде всего: *Loos M.* — In: *Acad. Bulgare des Sciences. Bull. de la section d'Histoire*, 14/15, 1964, p. 357—371.

⁵⁷ Ср., например: *Guillard J.* Op. cit. — TM, 1, 1965, p. 323.

религиозную идеологию, которая соответствовала их социальному положению (воины-крестьяне) и их политической цели (собственная государственность). Поэтому они были вынуждены отказаться от византийской церкви и вступить с ней в борьбу»⁵⁸. Итак, чтобы достигнуть удовлетворительных выводов, в этой области нужны еще основательные исследования.

6

И. Херман различал четыре типа народных движений в ходе всемирно-исторического процесса⁵⁹. Для народных движений в Византии характерно то, что их нельзя полностью отождествить ни с одним типом. Конечно, в значительной степени действия народных масс принадлежали ко второму типу, а именно к «народным движениям, которые являлись основой для прогрессивных слоев господствующего класса в достижении ими в сущности исторически прогрессивных целей». Некоторые движения можно отнести к первому типу, т. е. к «народным движениям, которые служили лишь базой для межфракционной борьбы в среде господствующего класса или, как говорил Ленин, шахматными фигурами в руках той или иной группы эксплуататоров». Это касается прежде всего борьбы цирковых партий. Наконец, не следует сбрасывать со счетов то, что в движении павликиан заметны черты третьего типа, т. е. «народных движений, которые имели свои собственные цели и пытались осуществить их в интересах эксплуатируемых в борьбе против господствующего класса. Такие цели часто формулировались в религиозных утопических программах».

В данной статье мы рассмотрели некоторые особенности, характерные для ранневизантийского периода. Они отнюдь не распространяются на всю историю Византии. В ранней Византии народ наряду с аристократией располагал реальным политическим весом и причислялся к высшим политическим силам. Это нашло отражение и в цитате из Пселла. Изменения, происшедшие в более позднее время, можно проиллюстрировать цитатой из сочинения, написанного, по всей видимости, представителем высшего клира в середине XIV в. и недавно изданного А. Фалье. Несмотря на то, что это было время гражданской войны, народным массам не отводится здесь никакой конституционной роли. В названном сочинении, в частности, говорится, что «провозглашать императора — дело императора, сената и войска, а не патриарха, синода или церкви вообще»⁶⁰. Народ, таким образом, здесь даже не упоминается. Этот факт свидетельствует о характерных изменениях в политической и общественной ситуации в Византии.

⁵⁸ Werner E. — In: *Zeitschrift für Geschichte*, 23, 1975, S. 540.

⁵⁹ Herrmann J. — *Sellnow J.* Op. cit., S. 26 f.

⁶⁰ REB, 31, 1973, p. 34 sq.